

Къ моей учено-литературной автобиографіи ¹⁾

И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ БЕЗПРИНЦИПНОЙ КРИТИКИ.

(Посвящается моимъ давнимъ ученикамъ: 1870—1895 годовъ).

Г Л А В А I ²⁾.

Никому и ничто не бываетъ такъ при-
скорбно, какъ военскимъ совоспитанникамъ
разставаться съ Аеннами и другъ съ дру-
гомъ. Слова Григорія Богослова.

Въ 1870 году въ Московской духовной академіи кончить курсъ блестящей молодой человѣкъ, родомъ москвичъ, длин-

1) Назадъ тому нѣсколько лѣтъ я оповѣстилъ своихъ немалочислен-
ныхъ читателей, что въ 12 томѣ „Собранія моихъ сочиненій“ дано будетъ
мѣсто моей „автобиографіи“ (см. наприм., „Вселенск. Соборы IV и V вѣк.,“
въ ремаркѣ, отъ автора. М. 1896), но до сихъ поръ дошелъ только до
изданія 10-го тома. Надѣюсь исполнить свое обѣщаніе, когда историко-
филол. факультетъ моск. университета изберетъ на мою кафедру молодого
представителя науки, а я стану почти свободенъ, въ качествѣ профес-
сора-ветерана. Взамѣнъ полной автобиографіи, я рѣшился напечатать въ
настоящее время, въ видѣ предлагаемой статьи, отрывокъ изъ этой
автобиографіи. Самъ я всегда съ удовольствіемъ читаю всякія печатныя
воспоминанія, особенно касающіяся нашей богословской науки и ея дѣя-
телей. Надѣюсь, что читатели *Бог. Вѣст.* не безъ нѣкотораго интереса
пробѣгутъ глазами мою статью, заглавіе которой они сейчасъ читаютъ.

2) Глава I настоящей статьи заключаетъ въ себѣ прощальную лекцію
мою, прочитанную г.г. студентамъ моск. дух. академіи, 13 января 1896 г.
Въ свою очередь эта лекція представляетъ сжатое изложеніе учено-ли-
тературныхъ событій изъ исторіи моей 25-лѣтней профессорской службы
въ названной академіи. Прощальная лекція печатается въ томъ видѣ,
какъ она предложена была слушателямъ (но съ новыми примѣчаніями
подъ строкой). Измѣненія же столь незначительны, что о нихъ не стоитъ
я упоминать. Пользуюсь случаемъ сдѣлать еще одно предварительное

ный, какъ верстовой столбъ, худой какъ жердь, желтый какъ лимонъ и подслѣповатый, какъ кротъ; этотъ молодой человекъ теперь я.

При окончаніи курса, мнѣ, еще не имѣвшему никакой ученой степени, предложено было ректоромъ академіи сразу нимаго нимаго—всего пять академическихъ вакантныхъ кафедръ: св. Писанія В. Завѣта, св. Писанія Новаго З., Библейской исторіи, введенія въ кругъ богословскихъ наукъ и наконецъ Древней церковной исторіи. (Не была однакожъ предложена кафедра Латинскаго языка, тогда тоже свободная въ нашей Академіи, потому что эта кафедра и за кафедрой нѣмъ серьезно не считалась). Съ нетерпѣніемъ ждала меня и шестая кафедра—по метафизикѣ, но объ этой кафедрѣ поведемъ рѣчь особо. Итакъ мнѣ предложено было на выборъ по меньшей мѣрѣ пять кафедръ, точь-вточь какъ въ магазинѣ Когтева ¹⁾ осенью предлагаются покупателямъ на выборъ арбузы. Конечно, не бѣда ошибиться въ выборѣ арбуза—потеряешь лишь 25 коп. Иное дѣло сдѣлать ошибку въ выборѣ кафедръ! Ошибся-ли я, выбравъ теперешнюю мою кафедру—судить не берусь. Какъ окажется изъ дальнѣйшаго

замѣчаніе. Покойный проф. И. И. Горскій въ своей книжкѣ, о которой обстоятельная рѣчь ведется во второй главѣ,—подъ заглавіемъ: „Голосъ стараго профессора по дѣлу (?) проф. А. П. Лебедева“ и т. д. (стр. 65. М. 1900) говоритъ: „на прощальную лекцію А. П. Л.—въ пригласилъ профессоровъ академіи и преподавателей вѣанской семинаріи“ (эта семинарія, поясню, сосѣдка академіи). Но на самомъ дѣлѣ я ни тѣхъ, ни другихъ не приглашалъ. Правда, нѣсколько профессоровъ академіи и одинъ преподаватель вѣанской сем—и были на лекціи, но это произошло не предвидѣнно для нихъ и для меня. На прощальную лекцію, что естественно, собрались всѣ студенты и профессорамъ было векому читать, почему они и удостоили своимъ посѣщеніемъ мою лекцію; что же касается единственнаго представителя вѣанской семинаріи (а это былъ теперешній ректоръ этой семинаріи А. А. Бѣляевъ), то онъ былъ приглашенъ, по распоряженію митрополита Сергія, временно читать лекціи по русск. церк. исторіи, за выходомъ въ отставку профессора Е. Е. Голубинскаго; а такъ какъ чтенія Бѣляева падали на этотъ день (суббота), когда случилось и мнѣ прочесть свою послѣднюю лекцію, то онъ съ прочими профессорами пожаловалъ ко мнѣ въ аудиторію. Не понимаю, зачѣмъ понадобилось Горскому все это переименовать, Горскому до смерти жившему близъ стѣнъ академіи и въ лицѣ г. Бѣляева имѣвшему роднаго племянника, отъ котораго онъ могъ знать точную истину.

1) Когтевъ богатый купецъ Сергіевскаго посада, гдѣ находится моск. академія.

повѣствованія, меня много бранили какъ историка: можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ ошибся выборомъ. Но не объ этомъ теперь рѣчь.

Что за удивительное происшествіе—пять каедръ предлагаются въ Московской Академіи одному и тому же лицу ¹⁾, знаменитому только тѣмъ, что онъ былъ длинень, какъ верстовой столбъ, худъ, какъ жердь и т. д.? Можетъ быть онъ слылъ за очень умнаго? Сомнительно. Онъ и въ спискѣ тогда не былъ первымъ... Чѣмъ же объясняется такой изъ ряда вонъ выходящій фактъ? Дѣло объясняется такъ: въ 1869 году вводился новый Академическій уставъ въ Кіевской Академіи, вслѣдствіе чего понадобилось замѣстить здѣсь кѣмъ-либо каедру метафизики,—метафизики, которая до тѣхъ поръ совсѣмъ не преподавалась въ указанной Академіи. Совѣтъ этой Академіи обратился къ покойному нашему профессору Кудрявцеву съ просьбой—рекомендовать кого-либо изъ его учениковъ для замѣщенія каедры метафизики въ Кіевской академіи. Кудрявцевъ рекомендовалъ меня: не потому однакожъ, что считалъ меня великимъ метафизикомъ, а потому, что я тогда, будучи на 4-мъ курсѣ, писалъ магистерское сочиненіе на философско-богословскую тему: „Превосходство откровеннаго ученія о твореніи міра предъ всѣми другими объясненіями его происхожденія“. Итакъ я, еще находясь на школьной скамьѣ, былъ зачисленъ кандидатомъ на каедру метафизики въ Кіевѣ. Но этой каедры, къ счастью, я не занялъ. Когда я окончилъ курсъ въ 1870 году, совѣтъ нашей Академіи—учрежденіе тогда только что явившееся—пожелалъ удержать меня при родной мнѣ школѣ. А для того, чтобы уладить дѣло наилучшимъ образомъ, предложилъ мнѣ на выборъ любую изъ пяти вышепоименованныхъ каедръ. Мною выбранъ теперешній мой предметъ. Я со временъ дѣтства любилъ исторію, хотя мало понималъ сущность этой въ дѣйствительности очень мудреной науки.

Не скрою, что тогдашній ректоръ блаженной памяти А. В.

1) Проф. П. И. Горскій въ своемъ „Голосѣ“ представляетъ исторію моего поступленія въ доценты академіи иначе (стр. 48—9). Но онъ не правъ. Это подтверждаютъ и мои товарищи, изъ которыхъ одинъ въ это время жилъ со мною въ квартирѣ проф. П. С. Казанскаго въ академіи и состоитъ теперь протоіереемъ г. Москвы.

Горскій былъ противъ моего выбора церковной исторіи,—по различнымъ основаніямъ. Во первыхъ, мои успѣхи по церковной исторіи были отмѣчены лишь балломъ: четыре (какова иронія судьбы!); во вторыхъ, по какимъ-то случайнымъ причинамъ я не писалъ ни одного семестрового сочиненія ни по одной изъ церковно-историческихъ наукъ,—а главное: мое магистерское сочиненіе не имѣло никакого отношенія къ церковной исторіи. О. ректоръ А. В. Горскій настойчиво предлагалъ мнѣ взять каѳедру „Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ“,—но я уперся и стоялъ на своемъ. Я долженъ сказать, что философско-богословская тема для магистерскаго сочиненія избрана мной не по доброй волѣ, а по назначенію тогдашней т. называемой академической конференціи. Въ настоящее время студентовъ никто не принуждаетъ брать такую или другую тему для диссертациі; не такъ было въ наше время. Конференція требовала изъ канцеляріи списокъ студентовъ, переходившихъ на 4-ый курсъ; противъ фамилии каждаго студента писалась какая нибудь тема богословскаго характера—списокъ сдавался на курсъ—и дѣло кончено. (Совершенно такъ же какъ теперь сдается студентамъ росписаніе проповѣдей). Такъ возникла тема моего магистерскаго сочиненія ¹⁾).

Но спрашивается: почему же я всетаки не послушался доброжелательнаго совѣта Горскаго и не принялъ каѳедры Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ?

Я никогда не чувствовалъ большаго расположенія къ философствованію, а моя магистерская тема окончательно посорила меня съ философіей, съ философіей, какъ она понимается въ Академіи. Эта философія напередъ предрѣшаетъ и предрѣшала всѣ вопросы—и изслѣдователю напередъ указывалось, гдѣ непременно нужно говорить: да, и гдѣ столь же непременно говорить: нѣтъ. Правда, при написаніи моей диссертациі встрѣчались случаи, гдѣ нельзя было съ увѣренностію сказать ни да, ни нѣтъ, но въ этихъ случаяхъ обязательно приходилось тянуть волосянку на мотивъ: нельзя не соглашаться, но нужно признаться. Все это мнѣ быстро наскучило—и возбуждало физическую тошноту. Я понималъ, что академическая философія есть истинная нирвана для

1) Нѣсколько подробнѣе объ этомъ сказано во II главѣ.

дѣйствительной науки этого имени. И я не удивляюсь тому, что всѣ лѣндивые люди въ Академіи обнаруживаютъ несомнѣнную склонность къ философіи. Я отнюдь не пожелалъ мыслить сообразно готовой указкѣ, и раскланявшись со всѣмъ, что носило наименованіе академической философіи, — занялъ, не взирая ни на что — катедру древней церковной исторіи.

Такъ я сдѣлался историкомъ!

Ошибся ли я, принявъ на себя профессуру по такой наукѣ, которая оказалась и очень мудреной и очень отвѣтственной—повторяю опять—я этого не знаю. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно: рѣдко кого такъ много порицали и забрасывали разнаго рода упреками въ печати, какъ было со мною. Кажется, только лѣндивый не бранилъ меня за мои церковно-историческія сочиненія, причемъ каждый оппонентъ желалъ подвести мои часто мнимыя прегрѣшенія подъ самыя суровыя статьи самосуда.

Случилось такъ, что первая же моя литературная работа, касающаяся моей науки, навлекла на меня укоры и брань. Я дебютировалъ критической статьёй, посвященной разбору нѣсколькихъ русскихъ церковно-историческихъ сочиненій. Но эта статья не прошла мнѣ даромъ. Авторъ одного изъ разобранныхъ мной сочиненій нѣкто Іеромонахъ Герасимъ Яредъ, родомъ ни то Грекъ, ни то Арабъ, приватъ-доцентъ Петербургской Академіи, отвѣчая мнѣ на мою критику, заявлялъ, что будто въ моей громовой рецензіи, какъ называется мой отзывъ авторъ—я надѣлалъ много такихъ ошибокъ, которыя не простительны не только для спеціалиста, но даже и для семинариста; по его увѣренію, я позволяю себѣ говорить „нелѣпости первой руки“. Въ новой статьѣ, я старался образумить его преподобіе, призывалъ его читать мою критическую статью „съ спокойнымъ духомъ, а не въ избыткѣ гнѣва“, и заявлялъ, что я „по незлобію прощаю его, и говорю ему: миръ вамъ“. Но онъ не унялся и продолжалъ поносить меня, перенеся полемику на страницы одной свѣтской газеты. Это было въ 1873 году.

Но самую ожесточенную брань въ печати вызвала безъ сомнѣнія моя пресловутая докторская диссертация: „Вселенскіе соборы IV и V вѣка. Обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направленіями Александрійской и

Антиохійской школь“ . Москва, 1879 г. Нѣкоторые критики чуть ли не призывали на книгу грома небесные.

Домашняя Академическая критика встрѣтила появленіе въ свѣтъ моей книги очень сочувственно—и радостно привѣтствовала ее.

Немало появилось въ печати и другихъ отзывовъ о моей книгѣ очень лестныхъ для автора, но перечислять ихъ, а тѣмъ болѣе излагать ихъ содержаніе было бы очень долго.

Спѣшимъ перейти къ отзывамъ болѣе интереснымъ, т. е. такимъ, въ которыхъ порядкомъ таки достается мнѣ. Въ этомъ отношеніи немало потрудились слѣдующія лица. Указываемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ:

1) Неслужащій дворянинъ Г. Матвѣевъ, теперь покойный, переводчикъ Робертсона и Farrara; 2) Профессоръ Моск. Университета протоіерей Иванцовъ, тоже покойный; 3) критикъ, вышедшій изъ Виѣанскихъ дебрей, нѣкто Соколовъ, именующій себя студентомъ Виѣанской Семинаріи, къ общей нашей радости и доселѣ здравствующій ¹⁾; 4) знакомый незнакомецъ ²⁾.

Лишь только вышла въ свѣтъ моя диссертация, не было еще и публичнаго диспута (я долженъ указать, что до 1884 г. и докторскія диссертации подлежали защитѣ наравнѣ съ магистерскими), а ужъ появилась небольшая брошюра Матвѣева, направленная противъ моей книги, подъ заглавіемъ: „нѣсколько словъ въ защиту отцевъ I-го вселенскаго собора и вообще православія.“ Москва. 1879 г. Интересно отмѣтить, что на брошюрѣ значится слѣдующая цензурная помѣтка: „отъ Московскаго комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать дозволяется. *Московская Духовная Академія*“,—Академія, при которой тогда числился состоящимъ Московскій духовно-цензурный комитетъ. Книжка Матвѣева была выпущена въ свѣтъ слишкомъ скоро, какъ я сказалъ—раньше диспута, благодаря любезному содѣйствію одного профессора Московской Академіи, исполнявшаго тогда должность секретаря указаннаго цензурнаго комитета. Какая ему была прибыльъ отъ этого—я не постигаю. Вѣроятно онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ одного духовнаго цензора, своего дядюшки,

1) Живъ и нынѣ, въ 1907 г.

2) Скончался.

то же очень спѣшно цензурировавшаго книженку. Да, я не знаю, откуда взяла начало эта каверза. Но зато твердо знаю одно: я отомстилъ цензору... представивъ его потомъ въ почетные члены Академіи, и успѣшно провелъ это дѣло въ совѣтъ ¹⁾. Цензоръ по своимъ ученымъ достоинствамъ заслуживалъ такого отличія.

Но въ чемъ же заключается критика Матвѣева?

Критикъ, какъ ему казалось, открылъ въ моемъ сочиненіи два слѣдующихъ главныхъ лжеумствованія: 1) что историческія свидѣтельства св. Аѳанасія—я отвергаю, какъ не заслуживающія вѣры; 2) „что Никейскіе отцы являли собой

1) Секретаремъ цензурнаго комитета въ 1879 г. былъ проф. П. И. Горскій. Хотя я въ лекціи не назвалъ его и хотя въ 1896 г., когда я читалъ ее, цензурнаго комитета при академіи уже не было и по крайней мѣрѣ студенты не могли знать, кто былъ раньше цензурнымъ секретаремъ. П. И. Горскій обидѣлся на меня за вышеприведенныя строки (лекція моя читана въ то время, замѣчу, когда Горскій уже былъ въ отставкѣ и не состоялъ членомъ профессорской коллегіи). Свою обиду Горскій излилъ въ своемъ „Голосѣ“. Онъ назвалъ мои слова клеветой и требуетъ, чтобы я отказался отъ своихъ словъ, сопровождая свое требованіе угрозами, о которыхъ рѣчь впереди („Голосъ“, стр. 65—67). Но я не вижу никакой необходимости отречься отъ своихъ словъ. Быстрое появленіе въ свѣтъ брошюры не могло произойти обычнымъ порядкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ обстоятельства ея появленія въ публикѣ. Моя диссертация попала въ руки Матвѣева, какъ онъ самъ говоритъ, въ недѣлю Православія (стр. 6), а между тѣмъ памфлетъ его уже на Ѳоминой недѣлѣ появился въ печатномъ видѣ въ академіи. Если исключить пасхальную недѣлю и часть страстной, когда типографскихъ работъ не производится, то выходитъ, что книжка создалась въ какія нибудь 5—6 недѣль. Но это возможно только тогда, когда цензура оказываетъ автору всякую помощь. Въ недѣлю Православія книга появилась на столѣ Матвѣева, вѣдь нужно ее прочесть и одѣнить—мало на это и недѣли, затѣмъ нужно написать критику на нее: книжка Матвѣева заключаетъ три печатные листа. Три листа такой небойкій писатель, какъ Матвѣевъ, едвали напишетъ скорѣе, чѣмъ недѣли въ 2—3. Затѣмъ рукопись поступаетъ въ цензуру, вѣдь цензура разсмотритъ рукопись въ тотъ же день, лишь при исключительныхъ условіяхъ. Стѣдуетъ печатаніе. Въ недѣлю три листа типографія едва-ли напечатаетъ. Затѣмъ брошюровка. Представленіе книги въ цензурный комитетъ. Нѣтъ, всего этого въ пять-шесть недѣль онъ не могъ сдѣлать, если бы ему бабушка не ворожила, если бы духовная цензура не была всецѣло на сторонѣ автора. Спѣшили книжкою, чтобы она появилась до совѣтскаго рѣшенія вопроса о допущеніи диссертации къ защитѣ, въ крайнемъ случаѣ—до диспута. Первое не удалось, а второе достигнуто. Можно было ожидать осложненій, а это-то только и нужно было..

жалкій видъ на соборѣ“, по моему будто бы изображенію. Выказавъ эти свои навѣты широковъщательно, критикъ потомъ пишетъ: „остается желать, чтобы никто изъ братьи собственными вымыслами не старался подрываться подь основаніе вѣры, не изображалъ дѣяній св. отцевъ перваго вселенскаго собора въ превратномъ видѣ и тѣмъ не нарушала устоячивости великаго зданія святой вѣры“. Матвѣеву я ничего не отвѣчалъ, такъ какъ не смотря на претензіи, онъ былъ лишь малограмотный пустосвятъ дворянскаго покроя ¹⁾.

Другой критикъ—протоіерей Иванцовъ написалъ противъ моей книги обширный отзывъ, который сначала помѣщенъ на страницахъ *Православнаго Обозрѣнія*, а потомъ выпущенъ отдѣльной книгой, подь заглавіемъ: „Религіозныя движенія на Востокъ въ IV и V вѣкѣ. Критико-историческія замѣчанія“. М. 1881. Стр. 238. Критикъ ставитъ автору въ упрекъ слѣдующее: что будто авторъ представляетъ аріанъ партію прогрессивною, умною, одаренною необыкновенными талантами; что будто по сужденію автора аріане были истинными двигателями богословской науки, и что они во всѣхъ пунктахъ догматическаго развитія шли впереди православныхъ; что будто по мнѣнію автора Кириллъ Іерусалимскій былъ несомнѣнный аріанинъ; что будто авторъ восхвалялъ Евтихіа, какъ человѣка, обладавшаго твердымъ и яснымъ умомъ; что по представленію автора Діоскоръ былъ истиннымъ православнымъ мужемъ; что будто въ книгѣ автора можно находить легкомысленное отношеніе къ Григорію Богослову; что будто церковное ученіе по мысли автора есть результатъ соединенія „православія съ ересью“; что будто вообще трудъ автора близко стоитъ къ взглядамъ раціоналиста Баура. Не удовольствовавшись этимъ, Иванцовъ, говоря о той части моей книги, гдѣ описана исторія несторіанства и III вселенскаго собора, изложилъ свои критическія замѣчанія въ видѣ 12 тезисовъ, очевидно имѣя намѣреніе явить изъ себя новаго Кирилла по подражанію древнему Кириллу, выступив-

¹⁾ Изъ автобіограф. записокъ архіепа. Саввы видно, что Матвѣевъ въ это время былъ смотрителемъ Саввинскаго подворья въ Москвѣ и слѣдовательно жилъ подь одкою кровлею съ викаріемъ Алексіемъ Лавровымъ, моимъ бывшимъ товарищемъ по академической службѣ.

шему противъ Несторія, какъ извѣстно, съ 12-ью анаеема тизмами (Но скажите: похожъ ли я на Несторія?). Разумѣется, если бы все, что критикомъ приписывалось автору, дѣйствительно ему принадлежало, то онъ не имѣлъ бы удовольствія бесѣдовать въ настоящее время съ каведры. Я не оставилъ книги Иванцова безъ отвѣта. Помѣстилъ рядъ статей въ нашемъ Академическомъ журналѣ ¹⁾; изъ этихъ статей составила книга подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи вселенскихъ соборовъ IV и V вѣка.—Pendant къ сочиненію „всел. соборы IV и V вѣка“. 1882 г. 267 стр. Въ чемъ состоялъ отвѣтъ автора рецензенту, объ этомъ, если угодно, узнаете сами, прочитавъ сейчасъ названное сочиненіе. Несомнѣнно одно: протоіерей Иванцовъ остался крайне недоволенъ антикритикой автора. Онъ помѣстилъ въ „Правос. Обзорніи“ новую, на этотъ разъ краткую статью, подъ кратчайшимъ заглавіемъ: „Отвѣтъ Г. Лебедеву“, т. е. мнѣ. Здѣсь онъ старался доказать, что авторъ „усвоилъ себѣ комбинаціи, имѣющія не хорошую репутацію“ и взывалъ къ кому-то, чтобы автора „обуздали“, но призывъ его не былъ услышанъ. А я тѣмъ не менѣе не думалъ униматься. Въ нашемъ же академическомъ журналѣ тиснулъ еще статейку, подъ заглавіемъ: „нѣсколько словъ по поводу рекритики протоіер. Иванцова“. Послѣ этого критикъ и авторъ замолкли. И слава Богу! Впрочемъ послѣдующее поведеніе протоіерея Иванцова показало, что далеко не съ христіанскимъ смиреніемъ встрѣчалъ онъ мою оппозицію противъ его нападокъ. Мой разборъ его критиканства нанесъ его ученому и личному самолюбію тяжкія раны, которыя не могли зажить въ теченіе всей его остальной жизни. Спустя 10 лѣтъ по окончаніи нашей полемики, Иванцовъ не приминувъ уязвить меня въ своемъ можно сказать предсмертномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: „къ изслѣдованіямъ о патр. Фотіи“ (хотя легко было обойтись и безъ этого). Оцѣнивая то, что мной сдѣлано въ литературѣ для разъясненія исторіи Фотія, Иванцовъ, приписывая мнѣ явныя нелѣпицы, заявлялъ: „при раскрытіи различныхъ сторонъ Фотіевой исторіи проф. Лебедевъ часто вступаетъ въ полемику съ западными писателями, но иногда дѣлаеть имъ ненужныя уступки, именно въ такихъ пунктахъ, гдѣ требовалось бы

¹⁾ То есть въ „Твореніяхъ отцовъ съ прибавленіями“.

поболѣе постоятъ за восточныя представленія (читай: православно-восточныя представленія) и внимательное отнестись къ пристрастнымъ западнымъ тенденціямъ“ (значить, по инсинуации критика, я поддаюся какимъ-то западнымъ, т. е. вреднымъ, тенденціямъ). Затѣмъ тутъ же онъ прибавляетъ, что я отличаюсь высокомѣрно-небрежнымъ отношеніемъ къ трудамъ русскихъ писателей; а мой пустячный отзывъ о жалкомъ сочиненіи жалкаго профессора допотопныхъ временъ Зернина обзываетъ „неприличнымъ“ отзывомъ и т. д. Я уже не счелъ нужнымъ вступать въ новую полемику съ критикомъ (На это была и особая причина). Да, въ теченіе всей жизни этотъ критикъ не могъ переварить моей полемики... Да и теперь съ недостигаемыхъ высей едва ли онъ благословляетъ мое перемѣщеніе на кафедру университета, которую такъ долго онъ считалъ своею. Безъ сомнѣнія, онъ желалъ бы видѣть своимъ преемникомъ человѣка въ его духѣ: историка-проповѣдника, поучающаго юношество, а не историка рациональнаго направленія, каковъ я,—чувствующаго отвращеніе ко всякому проповѣдничеству съ академической кафедры. Думаю, самый яростный его недругъ не могъ бы выдумать худшаго для него сюрприза—будь онъ живъ теперь ¹⁾).

Третій критикъ моей диссертации, критикъ отрицательнаго направленія—это виванскій семинаристъ Соколовъ. Изъ біографіи этого представителя отрицательной критики мнѣ извѣстно слѣдующее: въ то время, когда онъ вздумалъ задѣть меня своимъ тупымъ перомъ, онъ состоялъ домашнимъ секретаремъ знаменитаго редактора *Московскихъ Вѣдомостей* Каткова, того Каткова, который, какъ извѣстно, ознаменовалъ себя неустанною борьбой со врагами отечества. По всѣмъ признакамъ, секретарь его Соколовъ пожелалъ изобразить изъ себя Каткова в малѣ, въ миниатюрѣ, принявъ на себя изобличеніе нѣкоторыхъ враговъ церкви. По пословицѣ: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. Изъ Соколова дѣйствительно вышелъ Катковъ, но не в малѣ, а Катковъ вверхъ тормашками. Критикъ однако-жъ имѣетъ одно

1) Не могу не сказать, что внѣшнія отношенія между нами были всегда корректны, при встрѣчахъ мы мирно бесѣдовали, и дарили другъ другу свои книги.

неоцѣненное достоинство. Онъ вполне откровененъ. На что указывали другіе неблагожелательные для меня критики лишь намеками, съ жеманствомъ и кажущимся сохраненіемъ своего достоинства, то самое Соколовъ прописываетъ полными буквами, ясно давая разумѣть, куда онъ мѣтилъ.— Въ 1883 году появилась тощая брошюрка Соколова подъ заглавіемъ: „По поводу нападокъ на наше духовенство“, въ которой видное мѣсто отведено разбору моей книги. Критикъ между прочимъ пишетъ: „До чего стало въ послѣднее время доходить искаженіе ученія церкви, наглядно показываютъ немалочисленные факты въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Возьмемъ, напр., сочиненіе „Вселенскіе соборы“ проф. М. Д. Академіи г. Лебедева. Какъ вы думаете, что такое вселенскіе соборы по ученію проф. М. Д. Академіи? А вотъ что: въ древней церкви было-де двѣ школы Александрійская и Антиохійская, стоявшія въ взаимной противоположности и враждѣ между собою. Первый вселенскій соборъ — дѣло Александрійской партіи, второй — результатъ Антиохійскаго направленія, третій составляетъ опять торжество Александрійской партіи. Каждый изъ трехъ вселенскихъ соборовъ по ученію г. Лебедева дѣло только *партіи*. Но этого мало: соборы называемые и признаваемые церковію вселенскими, по ученію г. Лебедева, не только не выражаютъ собою вселенскаго ученія, но и стоятъ даже въ явномъ противорѣчьи между собою. Послѣ такой аттестаціи вселенскихъ соборовъ, замѣчаетъ критикъ, что же остается отъ *самой вселенской церкви*? Сказать трудно. Во всякомъ случаѣ воспитанникамъ духовной школы, которымъ приходится заучивать подобныя ученія, трудно не потерять всякое понятіе о вселенской церкви“. Изъ дальнѣйшей рѣчи критика открывается, что онъ совсѣмъ не читалъ разбираемой имъ книги, а знакомъ лишь съ тезисами, извлеченными изъ книги, для диспута. Хорошъ критикъ! Затѣмъ Соколовъ продолжаетъ: „но что особенно поразительно, такъ это то, что за это именно ученіе профессоръ Лебедевъ возведенъ въ степень доктора богословія нашей православной церкви“ (*нужно сказать, что такой необыкновенной степени совсѣмъ не существуетъ на свѣтѣ*). „Это уже такой абсурдъ,—пишетъ критикъ,—въ которомъ истиннаго сына церкви никто не можетъ убѣдить. Истинный сынъ церкви скорѣе усомнится въ компетентно-

сти имѣющихъ право возводить на степень доктора богословія“ (*здѣсь очевидная вылазка противъ Святѣйшаго Синода, имѣющаго право утверждать въ степени доктора; какой же шустрый этотъ виванскій семинаристъ!*). Затѣмъ слѣдуютъ самыя интересныя вещи въ отзывѣ нашего критика. Онъ говоритъ: „И можно быть увѣрену, что то самое начальство (т. е. конечно Синодъ), которое дало право г. Лебедеву называться докторомъ богословія, должно будетъ взять свое опредѣленіе по этому поводу прямо и открыто назадъ, какъ и въ древней церкви нѣкоторые соборы отмѣняли неправильныя постановленія прежнихъ соборовъ“ (замѣчается: *тудаже и ракъ съ клешней*). Г. Докторъ по обычаю нынѣшняго времени, пожалуй сочтетъ пишущаго эти строки доносчикомъ. И пусть считаетъ“ (*вотъ обращикъ благонамѣреннаго цинизма!*). „Не имѣя ничего лично противъ г. Лебедева, я желаю только—говорить критикъ—сказать ему правду и обратить его на путь истинный, а главное я желаю предостеречь (прошу г.г. вниманія) отъ увлеченія протестантскими воззрѣніями слушателей г. Лебедева“ (*Конечно ни я, ни вы никогда не ожидали, что у насъ есть благопопечительный опекунъ изъ виванскихъ семинаристовъ*). Въ концѣ концовъ крикунъ возвѣщаетъ: „пишущій эти строки не согласенъ (скажите на милость: онъ—не согласенъ!), чтобы послѣдователь Тюбингенской школы (т. е. я) могъ преподавать въ духовной Академіи ученіе тюбингенской школы, а студенты обязаны были бы заучивать это ученіе“. Finis coronat opus.

Таковъ-то третій критикъ моей диссертациі.

Четвертаго критика того же сочиненія я назвалъ „знакомымъ незнакомецъ“. Онъ дѣйствительно можетъ быть названъ такъ. Дѣло въ слѣдующемъ: вскорѣ послѣ моего докторскаго диспута появилось какое-то подпольное изданіе, направленное противъ моего сочиненія, исполненное при посредствѣ гектографа, но безъ подписи имени автора. Изданіе это неизвѣстными благожелателями разослано было по всѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ духовнаго вѣдомства. Къ сожалѣнію, я не имѣю экземпляра этой гектографической фабрикаціи. Помню одно: здѣсь доказывалось, что сочиненіе мое необходимо отдать на пересмотръ вселенскимъ патріархамъ — Константинопольскому, Александрійскому и т. д. Предполагается, конечно, что церковь русская въ лицѣ

Синода впала въ заблужденіе. Имя автора этого произведенія въ послѣдствіи впрочемъ открылось. Съ нѣкоторыми измѣненіями оно было тогда же перепечатано Московскою шантажной газетою: „Востокъ“, служившей Греко-фанаріотскимъ интересамъ,—перепечатано съ подписью г. Матвѣева. Ларчикъ открылся.

Изъ исторіи критики моей диссертациі вытекаетъ слѣдующій поучительный результатъ: мое сочиненіе прошло сквозь строй многочисленныхъ цензуръ: редактора и цензора одного духовнаго журнала, оффиціального рецензента нашей Академіи, такъ называвшагося тогда церковно-историческаго отдѣленія той же Академіи, Совѣта ея, публичнаго диспута съ оффиціальными и неоффиціальными оппонентами, покойнаго митрополита Макарія, учебнаго комитета, наконецъ самого Синода. Но всего этого оказывается еще не достаточно у насъ въ Россіи для признанія удовлетворительнымъ богословскаго сочиненія, не чуждаго оригинальности. Нужно еще, чтобы оно нравилось всѣмъ, выдающимъ себя за специалистовъ науки, всѣмъ не служащимъ дворянамъ, кой-что маракующимъ по части не пространнаго катихизиса, каждому изъ семинаристовъ нашего времени, по-сорочьи затвердившихъ учебникъ Евграфа Смирнова, наконецъ всѣмъ газетамъ, не исключая фанаріотскихъ и шантажныхъ.

„Чувствую, что увлекаюсь за предѣлы времени и мѣры, но не нахожу средствъ удержаться отъ повѣствованія. Ибо какъ скоро пропущу что-нибудь, оно мнѣ представляется необходимымъ и лучшимъ того, что было избрано мною прежде“. Слова Григорія Богослова ¹⁾, сказанныя имъ при одномъ случаѣ, нѣсколько похожемъ на настоящій.

Не умолчу предъ вами, что зложелательные и безцеремонные критиканы моей диссертациі въ свое время причинили мнѣ немало серьезныхъ огорченій и непріятностей. Къ довершенію непріятностей, приходилось наталкиваться на огорченія и тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не чаешь. По моей неопытности, я счелъ за особенное удовольствіе раздать по экземпляру моей диссертациі, тотчасъ по ея появленіи, всѣмъ какъ настоящимъ, такъ и бывшимъ моимъ слушателямъ, уже перешедшимъ на старшіе курсы Академіи. Но вотъ что случи-

¹⁾ Творен. его. Томъ IV, стр. 74. Изд. 1-е.

лось: одинъ изъ числа этихъ послѣднихъ, находясь въ это время на 4-мъ курсѣ, увидавъ у себя въ рукахъ мою книгу, грубо швырнулъ ее на полъ. При чемъ быть можетъ онъ бормоталъ латинскую анаѳему: *percat!* Сколько знаю, это былъ выходецъ изъ „лакейской столицы“ — какъ иронически, но признаюсь: крайне неучтиво, иногда называютъ въ литературѣ татарскій, т. е. *не* богоспасаемый градъ—Касимовъ. Не въ примѣръ другимъ, этотъ не совсѣмъ почтительный мой ученикъ въ настоящее время архіереемъ творить судъ и правду. *Vivat* ему, *vivat!* ¹⁾.

Замѣчательно, что иногда возбуждаютъ злобную ненависть въ сердцахъ добровольцевъ критикановъ даже такія мои сочиненія, которыя только что начаты печатаемъ, и которыя неизвѣстно когда-то имѣютъ быть закончены. Разумѣю между прочимъ мое сочиненіе, которое отрывками печатается и теперь ²⁾ въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* и которое ставитъ цѣлю описать историческое положеніе Греко-восточной церкви послѣ паденія Константинополя ³⁾. Едва появились первыя главы изъ этого сочиненія, какъ обрушился на нихъ органъ князя Мещерскаго—*Гражданинъ*. Нѣкто Дурново накропалъ здѣсь статейку, подъ скромнымъ заглавіемъ: „Наскоро“! Кто этотъ Дурново—объ этомъ лучше всего возвѣщаютъ его дѣла. Онъ былъ издателемъ Московской грязной фанариотской газетки: *Востокъ* (давно уже покончившей свое существованіе), затѣмъ онъ сотрудничалъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, но былъ „выставленъ“ отсюда за свои непохвальныя наклонности, далѣе—онъ написалъ нѣсколько памфлетовъ, изданныхъ за границей и рисующихъ въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ жизнь и дѣятельность замѣчательнѣйшихъ современныхъ русскихъ іерарховъ (а извѣстная часть русской публики, падкая до скандальнаго, въ засосъ читала эти самодовлѣющіе пасквили) ⁴⁾, наконецъ онъ пристроился къ *Гражданину* въ качествѣ сотрудника, но и здѣсь—говорятъ—уже распрощались съ нимъ. Что путнаго могъ сказать по-

¹⁾ Наши многолѣтствования возымѣли силу. Живъ онъ и теперь.

²⁾ Т. е. въ 1896 г.

³⁾ Оно уже давно окончено и теперь вышло 2-мъ изданіемъ.

⁴⁾ Онъ не падилъ даже репутаціи теперешняго митрополита московскаго. Какъ увидимъ ниже, онъ дерзновенно касается даже лицъ принадлежащихъ къ нашему Царскому Дому.

добный критикъ, это понятно и безъ комментарія. Въмѣсто чего-либо путнаго, вотъ что писалъ г. Дурново:

„Когда апологеты русской церкви вступаютъ въ Москвѣ въ бесѣды со старообрядцами, то всегда ссылаются на единеніе русской церкви съ греческою, — единеніе, которое, сколько можно судить, едва-ли существуетъ въ дѣйствительности. Если бы оно существовало, то духовная печать въ Россіи не стала-бы грязнить и злословить греческую іерархію и церковь, описывая разныя небылицы и сплетни.

Сначала нынѣшняго года ярмъ врагомъ православной греческой церкви выступилъ въ „*Богословскомъ Вѣстникѣ*“, нѣкто профессоръ А. П. Лебедевъ.

Не станемъ дѣлать много выписокъ изъ статей г. Лебедева, чтобы пощадить религіозное чувство читателей „Гражданина“. Скажемъ только, что г. Лебедевъ оскорбляетъ и поноситъ память св. муч. Григорія V, патріарха Константинопольскаго, принявшаго 10 апрѣля 1821 года вѣнецъ мученическій и прославленнаго Богомъ нетлѣніемъ св. мощей¹⁾. Пропитанный протестантскими идеями, профессоръ московской духовной академіи конечно не признаетъ святости и нетлѣнія св. мощей, да и сердце его лежитъ болѣе къ протестантизму, нежели къ православію. Не мудрено послѣ этого, что московская духовная академія уже сколько лѣтъ вселяетъ въ сердца своихъ учениковъ ненависть къ грекамъ и къ матери-церкви“²⁾.

¹⁾ О сихъ мощахъ мнимо-святаго Григорія (турецкаго прислужника) Е. Е. Голубивскій говоритъ, что они находятся не въ церкви, а въ національномъ музеѣ въ Аѣнахъ и что они издають зловоніе.

²⁾ Г. Дурново и въслѣдствіи часто удостоивалъ проф. Лебедева своего малоблагосклоннаго вниманія. Онъ посвящалъ ему страницы въ своихъ произведеніяхъ, не могущихъ появиться въ Россіи. Въ одномъ изъ нихъ Дурново говоритъ о немъ: 25 лѣтъ проф. Л.—въ развращалъ м. академію, а теперь ему дали возможность тоже дѣлать въ моск. университетѣ. (Видно, у каждого свой талантъ, замѣтимъ мы на это); затѣмъ тиснулъ о немъ маленькую замѣтку въ „Русск. трудъ“ (объ этомъ рѣчь будетъ далѣе во II главѣ). Наконецъ, въ концѣ мая сего года любезно прислалъ ему брошюрку, посвященную разбору его статьи о правахъ греческихъ іерарховъ, (появившейся недавно въ „Бог. Вѣс.“) подъ заглавіемъ: „открытое письмо проф. А. П. Л.—ву“ (безъ обозначенія мѣста изданія. 1907). Письмо это въ количествѣ цѣлыхъ сотенъ прислано, говорить, въ м. д. академію. Коснемся содержанія его. Главныхъ талантливыхъ и усердныхъ описателей церковнаго Востока: епископа Порфирія

Такую нелѣпость, какую написалъ Дурново, всѣ легко забыли бы, еслибы критикъ не позаботился о томъ, чтобы на статейку его обратили вниманіе тѣ, кому вѣдать это надлежитъ. Сдѣлалъ онъ это до нельзя просто: взялъ отмѣтилъ краснымъ карандашемъ свою статейку, наполненную инсинуаціями, и разослалъ тотъ N газеты, гдѣ она напечатана, членамъ Синода, болѣе важнымъ архіереямъ и т. д. Вотъ обращикъ рецензента, о которомъ съ поэтомъ можно сказать: и не въ шитьѣ, то бишь и не критикъ тутъ было дѣло... Что возьмешь съ такого озарника? Ври Емеля — твоя недѣля.

И въ близкомъ будущемъ не лавры ждуть меня. Не нынче, такъ завтра надо мной разразится новая брань, которая, можетъ быть, будетъ горше первая, со стороны одного ученаго; страждущаго маніей величія и желающаго, чтобы всѣ знаемые его, подобно лакеямъ, величали его не иначе какъ: Ваше научное Превосходительство! Я задѣлъ его ученое самолюбіе, заявивъ, что я не принадлежу къ его поклонникамъ и сказавъ во всеуслышаніе (конечно, въ печати, но примѣрно

Успенскаго (†) и начальника іерусалимской миссіи архим. Антонина Капустина (†) онъ объявляетъ авторами, изъ-за денегъ „порочившими греческую іерархію“ (стр. 3), т. е. лицами продавшими свое золотое перо врагамъ этой іерархіи. При этомъ о „преосвященномъ“ Порфиріи намекается, что онъ имѣлъ склонность къ извѣстному восточно-іерархическому пороку (8). Послѣ этого—что значить въ его глазахъ моя скромная личность? Онъ обвиняетъ мои писанія по исторіи греч. церкви во „лжи“, „наглой лжи“, въ „клеветѣ“ и „недобросовѣстности“ (3. 12. 13). А въ послѣднихъ строкахъ отъ имени русской церкви *проклинаетъ* меня вмѣстѣ съ другими „профессорами-богословами за ихъ близорукія (?) медвѣжья услуги“ (14). А съ меня его проклятія, какъ съ гуся вода!—Что такое греческая церковь, чѣмъ занимается она, видно изъ статьи помѣщенной въ „*Церковныхъ Вѣдомостяхъ*“, издаваемыхъ при св. Синодѣ (1907, № 19, стр. 793). Здѣсь говорится о томъ, что со временъ Константина В. іерусалимскіе патріархи и донынѣ раздають золотые кресты съ подлинными частицами животворящаго креста, что степеней этихъ „кавалеровъ“ четыре (послѣдняя даетъ право носить этотъ крестъ съ подлиннымъ древомъ на груди въ петлицѣ). Вы думаете, что эта величайшая драгоценность раздается царямъ, королямъ, принцамъ. Нѣтъ ошибаетесь. Послѣдній—кто получалъ эту неоцѣненную святыню, есть *столончалъ-микъ* хозяйственнаго управленія при св. синодѣ г-нъ *Софійскій*. (Слышно, что къ пасхѣ слѣдующаго года такимъ крестикомъ украсится Н. Дурново, по ходатайству, пользующагося его услугами московскаго *іерусалимскаго подворья*, что на арбатской площадн).

года два тому назадъ), что его младшіе сотоварищи по наукѣ не иначе осмѣливаются упоминать его великое имя, какъ смиренномудренно потупивъ взоры. О ждущемъ меня инцидентѣ я узналъ изъ собственныхъ устъ—такъ я буду отнынѣ его титуловать—изъ устъ Его превосходительства, т. е. отъ самого больнаго. Чѣмъ я вздумаю его полечить—еще не знаю. Можетъ быть въ отвѣтъ ему напишу брошюру подъ такимъ заглавіемъ: „Простой, но вѣрный способъ содѣлаться знаменитостію“, при чемъ постараюсь разъяснить: какое различіе между знаменитостію и quasi знаменитостію.—Конечно это будетъ не сейчасъ-же ¹⁾...

Вотъ дѣла-то! И что-жъ вы думаете? Живъ еще Курилка
Послѣ обзора моихъ учено-литературныхъ приключеній, не чуждыхъ траги-комическаго элемента,—обзора, конечно, очень неполнаго,—вы, быть можетъ, ожидаете отъ меня какихъ либо выводовъ. Быть можетъ, вы ожидаете, что я скажу: тяжко, молъ, господа быть у насъ писателемъ по церковной

¹⁾ Но ничего такого не воспослѣдовало. Здѣсь идетъ рѣчь о знаменитомъ каюянистѣ моск. университета, А. Ст. Павловѣ. Правда онъ напечаталъ противъ меня статью, подъ ученымъ заглавіемъ: Къ вопросу о хронологическомъ отношеніи между Аристиномъ и Зонарою (Журн. мѣн. нар. Просв. 1896, № 1), но я никогда не читалъ этой статьи, несмотря на то, что нѣкоторые университетскіе коллеги обращали мое вниманіе на нее (я не имѣю обычая читать статью противъ меня, если не думаю отвѣчать на нее). При этомъ, А. С. Павловъ оказался прекраснѣйшей души человѣкомъ, я сблизился съ нимъ, почти сдружился, тѣмъ болѣе что наши квартиры въ Москвѣ раздѣляли лишь поперечникъ бульвара. Я часто заходилъ къ нему, рѣже онъ ко мнѣ. Его бесѣда была увлекательна, необыкновенно жива, когда онъ говорилъ, то казалось, что слушаешь юношу. Жаръ бесѣды, гнѣвъ, какой онъ выражалъ на кого-либо или что-либо—всегда вызывалъ улыбку въ слушатель, потому что этотъ гнѣвъ былъ всегда т. сказать младенческой, бездна знаній и воспоминаній—все это дѣлало посѣщенія мною сосѣда очаровательными. Не хотѣлось оторваться отъ разговора съ нимъ. Замѣчательная черта, отличавшая его, состояла въ томъ, что хотя бесѣда вращалась около его науки, не чувствовалось никакой скуки отъ скучнаго предмета. Прибавьте доброту его, гуманность. Послѣднее свое сочиненіе: Номоканонъ при большомъ требникѣ, онъ подарилъ первому мнѣ, какъ и заявилъ объ этомъ, придя въ мою квартиру. Но, увы, онъ скончался въ 1898 г. Одно для меня утѣшительно. Не смотря на то, что онъ умеръ въ глухую пору университетской жизни—лѣтомъ, я имѣлъ возможность отдать ему послѣдній долгъ. До сихъ поръ я не могу примириться съ этой невознаградимой для меня потерей.

исторіи; или что постараюсь вызвать у васъ чувство состраданія къ потерпѣвшему; или-же быть можетъ, вы надѣетесь услышать отъ меня, пользуясь подходящимъ случаемъ,—уроки житейской мудрости и благораумія, призывъ къ осторожности и аккуратности. Но смѣю васъ увѣрить, что ничего такого не послѣдуетъ.

Ограничусь приведеніемъ нѣсколькихъ чужихъ изреченій, какъ мнѣ кажется, вполне соответствующихъ случаю.

Извѣстно, не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. И ужь конечно, я какъ писатель историкъ, никакъ не могу претендовать на непогрѣшимость. Пусть мои ошибки и не такъ велики и соблазнительны, какъ увѣряютъ неблагожелательные критики моихъ сочиненій. Но я не думаю много печалиться о томъ, что ошибка составляетъ мой неизбѣжный удѣлъ. Всякая научная ошибка, если она не злонамѣренна, скорѣе полезна, чѣмъ вредна. Я вполне соглашаюсь съ мнѣніемъ св. Амвросія Медиоланскаго, который говоритъ: „*Amplius nobis profuit culpa, quam nocuit. Fructuosior culpa, quam innocentia. Innocentia arrogantem me fecerat, culpa subjectum reddidit... Felix ruina,—*воскликаетъ св. Отець,—*quae reparatur in melius!* Примѣнительно ко мнѣ, эти слова можно перевести такъ: „если я ошибался, то это гораздо больше приносило мнѣ пользы, чѣмъ вреда; ошибкамъ я могъ радоваться больше, чѣмъ непогрѣшимости. Непогрѣшимость могла бы сдѣлать меня спѣсивымъ, а ошибки заставляли меня быть скромнымъ во мнѣнїи о себѣ. Стану благословлять самое паденіе, которое давало мнѣ знать о томъ, что лучше“.—И повѣрьте, у меня нѣтъ и не можетъ быть болѣе строгаго критика, какимъ есть я самъ.

Привожу другое изреченіе. Французскій писатель Дидро сказалъ: „горе тому сочиненію, которое не вызываетъ раздѣленія во мнѣніяхъ“. Эти слова я уже цитировалъ разъ,—въ недавно-читанной мною вступительной лекціи въ университетъ,—извиняюсь, что мнѣ пришлось ихъ повторить. Слова Дидро—не софизмъ. Если какое сочиненіе неистово бранятъ, это признакъ, что на него волеѣ-не-волеѣ обращаютъ вниманіе, его читаютъ. А читаютъ—и слава Богу! Затѣмъ, вѣдь, и пишутся книги, чтобы ихъ читали. Въ противномъ случаѣ библиотечная моль больше съ ними будетъ знакома, чѣмъ люди. А такъ и случается съ книгами, не сдумѣвшими за-

интересовать собою читателей, т. е. не съумѣвшими возбудить раскола во мнѣніяхъ.

Приведу еще одно—и послѣднее изреченіе. Заимствую его изъ одной поэмы Лермонтова.

И право, Пушкинъ нашъ не вретъ,

Сказавъ, что день бѣды пройдетъ,

А что пройдетъ, то будетъ мило.

А что пройдетъ, то будетъ мило! И это правда. Да, что пройдетъ, то будетъ мило. Милъ и мнѣ сталь даже виванскій семинаристъ Соколовъ (Передайте ему, господа, поклонъ отъ меня). И вамъ самимъ будетъ мило даже ваше истинно-трагическое хожденіе на лекціи подъ ферулой помощниковъ инспектора господъ П. и А. ¹⁾,—окончится оно и будетъ мило. Все будетъ мило, не исключая... скажу прямо, господъ Полянскаго и Андреева ²⁾ съ наводящей на васъ страхъ и трепеть ихъ ферулой.

Къ вашему великому утѣшенію, я долженъ сказать, что моя академическая служба состояла не изъ однихъ трагикомическихъ приключеній съ написанными мною сочиненіями,—нѣтъ, со внѣшней стороны, она была безпримѣрно блестяща. Черезъ 4 года по окончаніи курса, я сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ, а по истеченіи 9 лѣтъ моей службы—ординарнымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ вопросъ рѣшался въ Совѣтъ закрытой баллотировкой. Для большей ясности представленія, постараюсь иллюстрировать факты, примѣрами. Моя баллотировка на экстраординатуру имѣла конкурентовъ и между послѣдними былъ тогда доцентъ Моск. академіи В. О. Ключевскій—и однакожь я препобѣдилъ, не смотря на то, что В. О. кончилъ курсъ въ 1865 году, а я въ 70-мъ, не смотря на то, что его представленіе въ экстраординарные исходило отъ о. ректора Горскаго, а мое было сдѣлано однимъ изъ рядовыхъ профессоровъ и не смотря на то, что и тогда В. О. былъ уже несомнѣннымъ кандидатомъ въ знаменитости (хотя въ это время онъ еще и не былъ профессоромъ Ун—та). Къ этому прибавляю еще слѣдующее свѣдѣніе: когда въ 1879 году мнѣ предоставлена

¹⁾ При новомъ ректорѣ м. академіи студентовъ стали гонять на лекціи.

²⁾ Ив. Д. Андреевъ, потомъ проф. м. академіи, къ несчастію для этой послѣдней, уже блестяще выболлатировавъ Совѣтомъ петерб. университета на кафедрѣ исторіи церкви.

была ординатура, вакантная экстраординатура перешла къ В. О. Отсюда вы можете видѣть, что Академія высоко цѣнила меня, пожалуй даже и не по заслугамъ. Если бы я не былъ я, то я самъ бы позавидовалъ себѣ.

Смѣю думать, что академическая служба моя прошла и не совсѣмъ безплодно. Частію единолично, а частію въ компаніи съ кѣмъ либо мною создано въ Академіи семь докторовъ-богословія, церковной исторіи и каноническаго права, а въ числѣ ихъ Сергій архіепископъ Владимірскій и протоіерей Александръ Иванцовъ-Платоновъ. Подъ моимъ руководствомъ или же при моемъ прямомъ содѣйствіи приобрѣли степень магистра не менѣе 13 молодыхъ людей, и между ними такіе талантливые лица, какъ Доброклонскій, Мартыновъ (потомъ протоіерей), Глубоковскій, Спасскій и Міеур Андреевъ. Не скажите: какая важность! Рожденіе докторовъ и магистровъ сопряжено бываетъ съ немалыми потугами, а иногда и съ значительными огорченіями.

Обращаемся ко временамъ, болѣе близкимъ къ настоящему. Въ послѣднее время молва соединяетъ съ моимъ именемъ нѣсколько легендъ. Надъ созданиемъ ихъ трудился кто угодно, но меньше всего я,—по крайней мѣрѣ я не принимаю на себя отвѣтственности за ихъ созданіе. Первое мѣсто занимаетъ легенда о томъ, какъ я совсѣмъ-было потерялъ зрѣніе. Въ самомъ началѣ февраля прошлаго года я опасно заболѣлъ глазами. Легенда приписала острое состояніе моей болѣзни внѣшнимъ причинамъ или точнѣе—какому-то потрясенію моего организма, явившемуся будто-бы слѣдствіемъ указанныхъ причинъ. Но на самомъ дѣлѣ ничего такого не было. Да я и не слыхивалъ, чтобы ктонибудь терялъ зрѣніе отъ нравственнаго потрясенія, если только оно не разражается моментально на подобіе молніи. Правда, я слыхалъ, что будто можно ослѣпнуть отъ слезъ. Но я рѣдко плачу. Я плачу во 1-хъ надъ покойниками, а во 2-хъ надъ романами. Впрочемъ гораздо рѣже надъ покойниками, чѣмъ надъ романами. Потому что я плачу только надъ своими покойниками, а не чужими; а надъ романами мнѣ приходилось плакать какъ надъ чужими, такъ и своими. Но шутки въ сторону. Зрѣніе мое уже давно стало очень не надежнымъ. Еще въ началѣ 1883 года (значитъ назадъ тому 13 лѣтъ) извѣстный московскій окулистъ профессоръ Крюковъ, кон-

статировавший у меня з № прогрессивной близорукости, посадили меня на двоякую діету—физиологическую, или точнѣе зрительную, и религіозную. Зрительная діета должна была состоять въ воздержаніи отъ чтенія всякихъ рукописей (въ томъ числѣ, конечно, и вашихъ сочиненій всегда увеселявшихъ мой духъ) отъ чтенія въ особенности при искусственномъ освѣщеніи, и во 2-хъ, въ воздержаніи отъ чтенія газетъ, журналовъ, романовъ—словомъ всего того, безъ чего кой-какъ можетъ обходиться человѣкъ, занимающій должность профессора; религіозная же діета состояла въ запрещеніи мнѣ класть молитвенные земные поклоны. Каюсь, что я счумѣлъ выдержать только этотъ послѣдній родъ діеты; что-же касается зрительной діеты, то о ней совсѣмъ я не думалъ. Въ результатъ получилось то, что въ вышеуказанное мною время лѣвый глазъ сдѣлался навсегда негоднымъ для чтенія и письма, а правый подвергся воспалительному процессу—тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время я очень много читалъ, и мало писалъ, а это, какъ оказалось, было для меня, по увѣренію окулистовъ, убійственно. Подъ вліяніемъ болѣзни, мнѣ пришлось перенести тяжкій душевный кризисъ, какой возможно перенести только разъ въ жизни. Впослѣдствіи продолжительный зрительный отдыхъ нѣсколько облегчилъ мои страданія (и это нужно признать однимъ изъ тѣхъ дѣйствительныхъ чудесъ, какихъ было много въ моей жизни, о чемъ однакожь распространяться я не стану); но во всякомъ случаѣ мой окулистъ Крюковъ посовѣтовалъ мнѣ, какъ самое лучшее—поскорѣй оставить профессорскую службу, разрѣшивъ мнѣ въ теченіе сутокъ заниматься чтеніемъ, включая сюда и письмо, лишь три часа. Всего три часа въ сутки, о докторъ Крюковъ! Но не насмѣшка ли это надъ человѣкомъ, привыкшимъ посвящать чтенію и письму по пятнадцати часовъ? Тогда я задумался надъ вопросомъ о переходѣ на кафедру церковной исторіи въ Университетъ, на кафедру, которая уже раньше мнѣ предлагалась ¹⁾. Я разчелъ, что три часа занятій въ

¹⁾ Тотчасъ послѣ смерти проф. А. М. Иванцова, послѣдовавшей 12 ноября 1894 года, мои московскіе друзья всѣми мѣрами стали тянуть меня къ переходу въ моск. университетъ, на вакантную кафедру исторіи церкви. Интересно отмѣтить, что на просьбу университетскаго начальства къ митрополиту Сергію рекомендовать профессора для замѣщенія кафедры,

сутки совершенно достаточно для университета—и кажется не ошибся въ расчетъ. Милѣйшіе студенты университета, на мое счастье, увлекаются церковной исторіей такъ же, какъ способны были бы увлечься и вы очаровательнымъ сновидѣніемъ. Словомъ если я и не въ отставкѣ, то какъ принято говорить объ архіереяхъ—*на покое*.

Кстати скажу и о моемъ переходѣ въ университетъ. Это обстоятельство моей жизни окружено также легендарной дымкой. Досужіе люди выдумали какія-то гоненія, репрессалии, рисовали ангела съ пламеннымъ мечемъ. Конечно, на мнѣ лежала обязанность—разъяснить дѣло разнымъ любителямъ утокъ. Но сознаюсь—я этого не сдѣлалъ. И вопросъ о всѣхъ подробностяхъ, среди какихъ совершился мой переходъ въ университетъ, остается и на всегда останется въ таинственномъ туманѣ. Вообще, никто въ мірѣ не знаетъ полной и достовѣрной исторіи моего поступленія на

этотъ послѣдній указаль на бывшаго профессора моск. академіи прот. Д. Θ. Касицына, но университетъ отклонилъ эту кандидатуру, въ виду того, что рекомендуемый ученый не имѣлъ степени доктора. Тогда мои друзья начали склонять меня къ занятію указанной каеедры, и хотя, имѣя за плечами уже 24-лѣтнюю службу, я не очень стремился къ перемѣнѣ въ своемъ положеніи, однако и не противился. Дѣло быстро стало двигаться впередъ. И вотъ уже 12 декабря я получалъ въ академіи слѣд. телеграмму отъ уважаемаго профессора моск. университета Н. А. Елеонскаго. „Сейчасъ я получилъ изъ канцеляріи университета слѣдующее сообщеніе: Его высокопреосвященство м. московскій *по запросу г. ректора* одобряетъ предложеніе каеедры церковной исторіи профессору Лебедеву. Профессоръ Лебедевъ *долженъ* подать прошеніе Попечителю. Подавайте не колеблясь“. Изъ этого видно, что постановка моей кандидатуры на каеедру условливалась единственно кончиною прот. Иванцова, и не вызывалась какими-либо осложненіями въ моей академической службѣ. Правда, назначеніе мое замедлилось въ виду постигшей меня болѣзни, о которой рѣчь будетъ вѣдти ниже, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникло непріятное дѣло о кандидатской диссертациі свящ. Н. Толстого (не графа), писанной по моему предмету и мною условно пропущенной (рѣшеніе долженъ былъ положить Совѣтъ), но провикнутой склонностію къ римско-католич. мнѣніямъ, о чемъ въ рецензиі было заявлено съ полною опредѣленностію. Однакожъ послѣ письменныхъ объясненій, данныхъ мною митрополиту, дѣло замолкло. Во всякомъ случаѣ нагоняй отъ Синода долженъ былъ получить Совѣтъ и ректоръ, а не я, а если и я, то въ той порціи, какая приходилась мнѣ какъ члену Совѣта и развѣ не много болѣе. Съ Толстого потомъ сняли санъ, но не за сочиненіе, конечно.

университетскую службу, конечно кромѣ меня одного. Но я-то и не расскажу вамъ этой исторіи, да и никому не расскажу. Почему? По очень простой причинѣ. Если, подобно тому, какъ давно когда-то былъ изданъ сборникъ: сто русскихъ литераторовъ, кто-нибудь вздумалъ бы издать сборникъ же подъ заглавіемъ: „сто русскихъ комическихъ персонажей нашего времени“, то въ этомъ юмористическомъ изданіи—вашъ локорнѣйшій слуга занялъ бы далеко не послѣднее мѣсто. Въ практическомъ отношеніи пожалуй никто не угораздится такъ успѣшно сѣсть между двухъ стульевъ, какъ тотъ, кто такъ комфортабельно сидитъ теперь на каедрѣ. Изъ исторіи моего перехода въ университетъ, если исключить мою болѣзнь (о чемъ рѣчь была раньше) вышелъ бы распрекрасный водевиль, по подобію извѣстнаго фарса: „сѣхались, перепутались и развѣхались“. Право, самъ мистеръ Пиквикъ позавидовалъ бы мнѣ, доживи онъ до нашихъ дней! Еще въ 1885 году со мной случилось совершенно невѣроятное происшествіе: согласно моему собственному желанію, я официально опредѣленъ былъ на службу въ Казанскій университетъ (какъ значитъ въ протоколахъ Академіи), опредѣленъ для того, чтобы никогда въ немъ не быть, и въ то-же время окончательно лишился должности въ Московской Академіи (о чемъ зри опять протоколы Академіи) для того, чтобы дослужиться въ ней именно до званія заслуженнаго ординарнаго профессора! Повѣдайте-ка мнѣ: когда и съ кѣмъ что-либо подобное бывало? А со мной было. Но рассказывать объ этомъ я не стану: не хочу получить имя мистера Пиквика.

Откровенно говоря, мнѣ ужасно хотѣлось-бы, чтобы легенда о гоненіяхъ, репрессаліяхъ и ангелѣ съ пламеннымъ мечемъ—была бы не легендой только. Мнѣ очень пріятно было бы (конечно ужъ по смерти) попасть въ календарные святыя (Я не говорю въ святыя т. называемаго мѣсяцеслова, а говорю въ календарные святыя, это какъ сейчасъ увидимъ—не одно и тоже).—Начну разъясненіе нѣсколько издалека. Въ 1883 году былъ лишенъ профессорской должности въ Кіевской Академіи Филиппъ Алексѣевичъ Терновскій (по секрету скажу: мой большой пріятель), лишенъ за изданіе, надѣлавшей много шума, но не очень-то интересной книги: „Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ“;

но затѣмъ менѣе, чѣмъ черезъ годъ Терновскій умеръ отъ огорченія и матеріальныхъ лишеній, недолго поболѣвъ Антоновымъ огнемъ. Одинъ русскій календарь, именно календарь Гатцука, желая почтить память почившаго, начиная съ 1888 года въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ (до 1891) въ майскомъ отдѣлѣ (Терновскій умеръ 22 мая)—въ майскомъ отдѣлѣ подъ обычнымъ тамъ заглавіемъ: „дни кончины замѣчательнѣйшихъ людей“ обязательно помѣщала такую ремарку: „день кончины (т. е. 22 мая) историка-страдальца, т. е.: какъ бы страстотерпца, Ф. А. Терновскаго“. Не одинъ годъ красовалась эта ремарка въ календарѣ Гатцука, пока наконецъ цензура не догадалась исключить гражданскаго мученика изъ мірскихъ святцевъ. Согласитесь: наименованіе: страдалецъ—страстотерпецъ значитъ тоже, что и мученикъ. Яркій ореолъ! Но увы, увы, календарь Гатцука для меня лично—недосягаемая святыня: будьте увѣрены: по грѣхамъ моимъ, я туда не попаду.

Но пора мнѣ и проститься съ вами.

Василій Великій, заговоривъ разъ о Аѳинскихъ школахъ, въ которыхъ онъ проучился не менѣе 4 или 5 лѣтъ, съ восторгомъ вспоминалъ о нихъ, восклицая: „О Музы! О науки! О Аѳины! Чѣмъ дарите вы своихъ любителей! Какіе приносятъ плоды даже и тѣ, кто на короткое время сближался съ вами“. Тѣмъ съ большимъ восторгомъ стану воспоминать свои Аѳины—я, проведши въ нихъ не 4 или 5, а почти 30 лѣтъ! Съ своей стороны Григорій Богословъ, приводя себѣ на память годы, которые онъ посвятилъ наукѣ въ Аѳинахъ, считалъ себя обязаннымъ заявить при одномъ случаѣ: „Аѳины обиталище наукъ, если для кого, то для меня по-длинно золотые и доставившіе мнѣ много добраго“. Какъ бы я могъ назвать свои Аѳины—не придумаю, тѣ Аѳины, которымъ я обязанъ всѣмъ—въ умственномъ ли, нравственномъ ли и даже матеріальномъ отношеніи. Если я назову ихъ своей дорогой матерью, я не солгу.

Григорій Богословъ, изображая одну свою трогательную разлуку, сравниваетъ себя и того, съ кѣмъ онъ разлучался—съ двумя тельцами, вмѣстѣ вскормленными и приученными къ одному ярму,—которые жалобно мычатъ другъ о другѣ, когда имъ приходится разлучаться. Если примѣнить это свято-отеческое подобіе къ нашему случаю, то одинъ изъ

разлучающихся тельцовъ, могу увѣрить васъ, чувствуетъ тоже самое, что чувствовалъ и Григорій, именовавшій себя тельцомъ, вскормленнымъ вмѣстѣ съ другимъ и приученнымъ къ одному и тому-же ярму. Говорю: одинъ изъ тельцовъ—это я. Если онъ и не мычить, то все же глубоко чувствуетъ свою разлуку съ Академіей и съ вами. Что чувствуетъ другой телець—я не рѣшаюсь утверждать: психическое состояніе его скрыто для меня. Вѣроятнѣе всего, что оно тождественно съ моимъ: но возможно, что оно на много тоновъ ниже, чѣмъ мое...

Чего пожелать на прощанъ Академіи и вамъ? Вы не обижены судьбою, у васъ всего много (разумѣю: хорошее). Пожелаю развѣ одного. Григорій Богословъ съ сокрушеніемъ говорилъ, что въ его время „многіе изъ христіанъ, по худому разумѣнію, гнушались *учёности*, почитая ее злохудожною, опасною и удаляющею отъ Бога“. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи XIX вѣкъ едвали счастливѣе IV-го. Тоже явленіе замѣчается въ православномъ обществѣ и нашего времени. Пожелаю Академіи, а вмѣстѣ съ нею и вамъ, чтобы число православныхъ христіанъ, гнушающихся учености и считающихъ ее злохудожною и опасною становилось меньше, меньше и стало совсѣмъ мало, и чѣмъ скорѣй это сбудется, тѣмъ лучше.

25 лѣтъ служилъ я вѣрой и правдой дорогой мнѣ Москов. Академіи, пожелайте мнѣ, господа, чтобы еще 25 лѣтъ съ такой же вѣрой и правдой я послужилъ Москов. Университету, который—надѣюсь—сдѣлается для меня такъ же дорогъ, какъ дорога мнѣ на-всегда останется *ваша* Академія,—послужить—говорю: 25 лѣтъ—если только не создастъ какойнибудь препоны, не подкузмитъ меня злѣйшій мой врагъ—докторъ Крюковъ! ¹⁾.

А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Къ счастью, онъ сталъ очень благосклоненъ ко мнѣ и не далѣе, какъ 3 мая текущаго года, выдалъ мнѣ наилучшій аттестатъ, какой только можно выдать человѣку, приобрѣтшему № 3 близорукости и на-всегда потерявшему для чтенія и письма лѣвый глазъ. Чудо!